

РОССИЙСКИЙ МЕДИАДИСКУРС «ОТРАВЛЕНИЕ СЕРГЕЯ СКРИПАЛЯ» И КОНЦЕПЦИИ ДИСКУРСОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ

Т.Л. Каминская, В.В. Кафтан

В статье рассматривается начальный период медиадискурса, ставшего поводом для политических трансформаций. Данный дискурс, который разворачивался в мировой прессе с начала марта 2018 года рассматривается как информационная война. Авторы статьи показывают сценарий разворачивания дискурса и предлагают способы исследования политических медиадискурсов с позиций различных концепций политической борьбы: Антонио Грамши, Мишеля Фуко, Корнелиуса Касториадиса и Нормана Фэркло.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиадискурс, политика, дискурсивная борьба, идеология

КАМИНСКАЯ Татьяна Леонидовна – доктор филологических наук, доцент, профессор Департамента Политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ. tlkam1@mail.ru

КАФТАН Виталий Викторович – доктор философских наук, доцент, профессор Департамента Политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ. kaftanvit@mail.ru

Цитирование: Каминская Т.Л., Кафтан В.В. Российский медиадискурс «Отравление Сергея Скрипаля» и концепции дискурсов в политической борьбе [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2019, № 1. – С. 129–143. Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>

RUSSIAN MEDIA DISCOURSE "SERGEY SKRIPAL'S POISONING" AND CONCEPTS OF DISCOURSES IN POLITICAL STRUGGLE

Tatiana L. Kaminskaya, Vitaliy V. Kaftan

The article discusses the initial period of media discourse, which has become a pretext for political transformations. This discourse, which unfolded in the world press since the beginning of March 2018, is considered as an information war. The authors of the article show the scenario of discourse unfolding and offer ways to study political media discourses from the standpoint of various concepts of political struggle: Antonio Gramsci, Michel Foucault, Cornelius Castoriadis and Norman Fairclough.

KEY WORDS: media discourse, politics, discursive struggle, ideology

KAMINSKAYA Tatiana L. – DSc in Philology, professor of Department of Political Science and Mass Communications of Financial University under the Government of the Russian Federation. tlkam1@mail.ru

KAFTAN Vitaliy V. – Dr. phil., professor of Department of Political Science and Mass Communications of Financial University under the Government of the Russian Federation. kaftanvit@mail.ru

Citation: Kaminskaya T.L., Kaftan V.V. Russian media discourse "Sergey Skripal's poisoning" and concepts of discourses in political struggle // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2019, № 1. – P. 129–143. Access mode: www.tverlingua.ru

Из множества существующих сегодня значений термина «дискурс» авторы статьи выбирают связанное с изучением революционных преобразований и политических трансформаций. В этом контексте дискурс – это социально и исторически обусловленная организация системы речи, а также определённые принципы, в соответствии с которыми социальная реальность классифицируется и репрезентируется (представляется) в определенный момент. Авторы выбрали медиадискурс, который можно

рассматривать в фокусе исследовательского внимания как информационную войну. Социальная репрезентация реальности в политической сфере особенно наглядна самом масштабном политическом глобальном медиадискурсе 2018 года, который можно исследовать посредством дискурсивного анализа с применением различных его концепций. Этапы и способы развертывания современных коммуникативно-информационных медиаатак наиболее активно стали изучаться российскими лингвистами в последнее пятилетие (Романов, Романова, 2018). Для исследования дискурса-информационная война необходимо, на наш взгляд, также привлечь и те концепции создания смыслов, которые изначально не были связаны непосредственно с медиа.

Общий контекст описываемого медиадискурса таков. Как следовало из новостных сообщений мировых и российских медиа, 4 марта 2018 года, в воскресенье, живший в Великобритании осужденный за государственную измену бывший советский разведчик Сергей Скрипаль, а также его 33-летняя дочь Юлия, приехавшая из Москвы навестить отца, были найдены без сознания на скамейке близ торгового центра в Солсбери и госпитализированы в тяжелом состоянии отравления.

Через три дня после первых новостей о событии отравление Сергея Скрипаля стало *Темой дня* для медиаполя России по версии сайта «Заголовки ру» и становилось ведущей темой еще несколько раз на протяжении марта, несмотря на невероятно насыщенную политическую повестку (выборы Президента России). Фамилия *Скрипаль* становится по всем критериям Т.В. Шмелевой (Шмелева, 1993) словом текущего момента.

По числу публикаций и телесообщений медиадискурс характеризуется невероятной интенсивностью и концентрацией коммуникативных событий. Авторами статьи для исследования дискурса проводилась сплошная выборка медиатекстов за март 2018 года по ключевому слову поиска *Скрипаль* в СМИ различной политической направленности.

Дискурс разворачивается по следующему сценарию: новости о случившемся со ссылкой на западные агентства и СМИ → выдвижение

различных версий случившегося → вопрос о нервно-паралитическом веществе «Новичок» → обвинение России в причастности к отравлению → обсуждение виновных и мотивов → ультиматумы в коммуникации Запад-Россия → высылка российских дипломатов из стран ЕС → обмен санкциями и антисанкциями.

Что касается российских СМИ, то только за март оппозиционная «Новая газета» публикует 80 текстов на означенную тему, ИД «Коммерсантъ» (далее-Ъ) – 214, «Московский комсомолец» (далее – МК) – более 400, «Комсомольска правда» (далее – КП) – более 200, РБК – 90. Жанры текстов – преимущественно новости и колумнистика; авторы текстов рассматривают эпизод с отравлением в контексте места и роли России в современном мировом пространстве.

11 марта в дискурсе появляются субдискурс отравляющего вещества «Новичок» и возможности его наличия в разных странах; версии в отношении мотивов отравления делятся на безусловные обвинения России и выгоду Англии, которая хотела окончательно прижать российских бизнесменов в Великобритании. *Российская сторона; У бизнесменов уже напрямую начинают отбирать собственность, активы. Арестовывать и блокировать средства под предлогом их проверки на предмет законности владения. Это называется экспроприация (МК).*

13 марта в медиадискурсе активно включается субдискурс санкций, их ужесточения, пересмотра санкционной политики Запада в отношении России. Противостояние Запада и России нарастает, выражаясь в форме ультиматумов и угроз с обеих сторон, обращенных в будущее: *Правительство Британии ждет разъяснений от России до вечера вторника. Если «заслуживающий доверия» ответ получен не будет, Мэй пообещала жесткие ответные меры («РБК»); Лавров пообещал ответить на дипломатическое хамство стран Запада (несколько СМИ). С 13 марта фамилия Скрипаля выходит в теги и рубрики: Дело Скрипаля, Отравление*

Скрипаля – и до конца месяца характеризуется интенсивным обсуждением на всех медийных площадках.

Позже дискурс расширяется за счет обсуждения возможного бойкота чемпионата мира по футболу в России. Обсуждение бойкота набирает обороты в публикациях под характерными заголовками: *Лондон дал сутки на детоксикацию; Кто ответит за Скрипалю?*

Интересно при этом, что помимо реакции на политические аспекты события, СМИ обсуждает и способы его предъявления в других медиа. Так, «Новая газета» использует редкий жанр медиакритики, осуждая коллег-тележурналистов за популистское предъявление темы: *Ток-шоу окунулось в политику.*

Рассмотрим данный медиадискурс с использованием нескольких актуальных сегодня теоретико-методологических концепций: дискурсивной борьбы, археологии знания, воображаемого установления общества и дискурс-строя.

Концепция дискурсивной борьбы. Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф в своей книге «Гегемония и социалистическая стратегия» критически рассматривает теорию гегемонии Антонио Грамши, выдвигая идею о том, что всю область социального можно представить некоей рыболовной сетью, состоящей из узелков-знаков, приобретающих значения с помощью дискурса. Под дискурсом в данной теории подразумевается определённый способ общения и понимания социального мира. Дискурсы не являются завершёнными и замкнутыми – они постоянно изменяются, и борются между собой за превосходство, стараясь в этой борьбе зафиксировать определённые ими значения в языке (Laclau, Mouffe, 1985).

Если применить существующую в концепции аналогию дискурса с рыбацкой сетью, то в случае со Скрипалем, дискурс формируется вокруг некоторых специфических моментов, зависимость которых друг от друга условна (возможна, но не обязательна), в этом пространстве идет постоянная «борьба» за определенный способ фиксирования указанных значений.

Главный узловой момент данного дискурса – **безопасность**. Его декларируют западные СМИ, выделяя отправной точкой для последующих обвинений к России. Здесь это тот самый «привилегированный знак», вокруг которого и упорядочиваются, приобретают свое значение другие знаки. Но эти знаки сами по себе «пусты». Знак «безопасность», как и упомянутый в данной теории дискурса знак «свобода», не имеет точного значения до тех пор, пока он не помещен в определенный дискурс. Следовательно, он также *элемент или изменчивый знак*. *Изменчивые знаки* – это знаки, за которые «борются» различные дискурсы, чтобы наделить их значением своим особым способом. Борьбой за безопасность как мотивом высылки дипломатов, как высшей ценностью политики обуславливаются действия ЕС.

В российском медиаполе чаще всего данный узловой момент используется «Новой газетой», которая говорит о *нашей общей безопасности*, имея в виду солидаризацию со странами ЕС.

Узловые точки дискурса, его *изменчивые* знаки, здесь отражены в субдискурсах означенной политической ситуации. Это: *мотивы отравления, мотивы вины, программа отравляющего вещества «Новичок», высылка дипломатов, бойкот чемпионата мира по футболу*. Здесь очевидно, что дискурс, по сути, есть ограничение возможностей. Это попытка остановить незаметное «скольжение» знаков по отношению друг к другу и, следовательно, попытка создать единую систему значений. Эта система значений, на первый взгляд не связанных между собой событий, работала для медиадискурса всех противоборствующих в нем сторон, а также в медиа различной политической направленности внутри России.

Возникший *мотив вины* заставляет раскручиваться ассоциативный ряд. Тут становится актуальным роман «Преступление и наказание» Достоевского, к которому отсылает Министр иностранных дел Великобритании Борис Джонсон *в том смысле, что мы все уверены по поводу виновного, вопрос только в том, признается он или его поймут*

(<https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5abc9a749a79475730b6f59e?story=5aa7c7349a79474bd586e5e5>).

В ответ Официальный представитель министерства иностранных дел РФ Мария Захарова процитировала Достоевского, требуя доказательств в обвинении (<https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5abce0639a7947f6647be42f?story=5aa7c7349a79474bd586e5e5>). Уже этот обмен цитатами показывает вынужденность российской стороны играть по правилам и ограничениям дискурса, который задается его инициаторами. В концепции дискурсивной борьбы отмечается, что участники дискурса постоянно пытаются фиксировать значения знаков на сети, размещая их в определенных отношениях к другим знакам (артикуляция). Однако полное закрепление знаков невозможно, поскольку всегда эта зависимость условна (возможна, но не обязательна); в этом пространстве идет постоянная «борьба» за определенный способ фиксации указанных значений. Находясь в общем ограниченном наборе субдискурсов, медиа ведут борьбу за введение аналогий и именовании главных действующих лиц. В частности, «Новая газета» предлагает в качестве аналогии со Скрипалем вспомнить о смерти российского перебежчика, бывшего офицера КГБ Александра Литвиненко, который был отравлен в 2006 году в Лондоне радиоактивным полонием-210, МК в корреспонденции *И яд следовал за ним* называет Скрипаля *отработанным материалом*, а КП историю со Скрипалем называет *скандалом с русофобским оттенком*.

Кстати, показательно само наименование главного фигуранта медиадискурса, которое связано с политикой СМИ и должно соответствовать ожиданиям его адресата. В «Новой газете» Сергей Скрипаль чаще всего обозначается словами с позитивной и нейтральной коннотацией: *бывший разведчик* (11 раз), *бывший полковник* (4 раза), *двойной агент*, а в МК, КП и Ть чаще всего с отрицательной – *шпион*, *предатель родины*, *перебежчик*. При этом эти обозначения кажутся естественными и общепринятыми для адресатов именно этих медиа, поскольку адресаты данные наименования повторяют в своих комментариях к публикациям. В то время как в

российском медиаполе дискурс разворачивается как борьба за означивание действующих лиц и возможных последствий для России, в западных медиа происходит переквалификация статуса Москвы из *с высокой долей вероятности* виновной стороны на виновную *без малейшего сомнения*.

Необходимо подчеркнуть, что это речевое поведение применимо и ко всей области социального: люди действуют так, *как будто* действительность вокруг них имеет устойчивую и однозначную структуру; *как будто* общество, группы, к которым мы принадлежим, и наша идентичность – объективные факты. Однако так же как структура языка никогда не может быть полностью фиксированной, так и общество и идентичность – гибкие и изменяемые сущности, которые никогда не могут быть зафиксированы раз и навсегда. Это происходит за счет *исключения* всех других возможных значений знака, а именно – всех других возможных способов, с помощью которых знаки могут быть связаны друг с другом.

Концепция археологии знания. Мишель Фуко, исходя из теории языкового характера мышления, сводит деятельность людей к их «речевым», т.е. *дискурсивным практикам*, представляющими собой особый социальный «мир дискурса». Он представляет собой «совокупность анонимных, исторических, детерминированных всегда временем и пространством правил, которые в данной эпохе и для данного социального, экономического, географического или языкового окружения определили условия воздействия высказывания» (Фуко, 1996: 28). Общность этих форм познания для каждой конкретной исторической эпохи образует свой уровень «культурного знания», называемый Фуко *эпистемой*. Как объясняет этот термин И.П. Ильин, *эпистема* (от др. греч. *ἐπιστήμη* – знание) – мыслительная и лингвистическая «структура прежде всех других структур», по законам которой образуются, «конституируются» и функционируют все остальные социальные структуры, обуславливающая возможность определённых социальных взглядов, концепций («языковой код») в тот или иной исторический период, основанная на формировании определённого доминирующего дискурса, определяющего

способ, которым мир представляется или «видится» социальными субъектами как участниками социальных практик (Ильин, 1996: 60-62).

В речевой практике рассматриваемого медиадискурса можно наблюдать в соответствие с концепцией Фуко как реализуется дискурсивная формация – свод предписаний и запретов и происходит установление гегемонии определённого видения мира, его «колонизация». Кроме уже упомянутой оценочной лексики в обозначении главных действующих фигур ситуации, необходимо подчеркнуть принципы метафоризации ситуации. И если в «Новой газете» *Россия, идущая вброд через ледяную реку*, то в МК Британия *доит российских бизнесменов, устраивает перформансы*, а Россия *должна отправить партнеров в нешее эротическое путешествие*.

Следуя Фуко, высказывания в дискурсе необходимо рассматривать не как вербальное высказывание, не как лингвистически определяемую последовательность знаков, а как сегмент человеческого знания, структурную его часть и одновременно соответствующей дискурсивной практики, системы ограничений, накладываемых на возможные высказывания в силу определенной социальной, идеологической позиции. Идеологическую позицию медиа можно определить уже на уровне их отсылок к источникам информации. Так, в «Новой газете» источниками служат: *ныне действующий сотрудник ГРУ, глава британского МИД, зарубежные издания и агентства*. Российская сторона как источник обозначается так: *официальные российские власти*. В МК и Ъ это: *российский политолог, российские СМИ и агентства, эксперты, разработчики химических веществ*.

Справедливо в этом плане утверждение В.Е. Чернявской, что проявление власти дискурса в том, «что он охватывает все возможности для появления определенных высказываний или действий и, следовательно, обладает возможностью управления и направления высказываний» (Чернявская, 2006: 25–27). Осуществлять социальное управление и манипулирование в рамках определённой идеологии, при котором особым

образом «канализируются» теории, идеи, оценки, взгляды, суждения, можно уже на уровне подбора источников и метафор в заголовках медиа.

Согласно Фуко, все высказывания, содержательно и идеологически не соответствующие общей теме дискурса, вытесняются за его пределы, значит, становятся неприемлемыми для говорящих «на своём языке и на свою тему». «Серийное производство» объединённых в смысловом отношении текстов делает невозможными альтернативные единичные высказывания – они просто не будут замечены в массе дискурса или же будут насильственно заглушаться, как это происходит в случае тоталитарной диктатуры одной идеи. Так, например, предпринятое расширение медиадискурса за счет включения в него 11 марта темы ресторана итальянской кухни Zizzi, где найдены следы вещества отравления и темы мест захоронения членов семьи Скрипаля: *От ресторана до кладбища* (РБК и МК), не нашло продолжение в дальнейших сотнях сообщений.

Однако 11 марта в историю со Скрипалем, когда она опять становится темой дня всех ведущих российских медиа, включается тема чемпионата мира по футболу. «КП» отмечает, что Великобритания ратовала *за перенос чемпионата мира по футболу 2018 года в свою страну, и теперь повод для этого - злосчастное отравление*. Тема футбола набирает обороты, и становится одним из ключевых моментов дискурса, являясь культурно-значимым компонентом социальной жизни в России.

Власть дискурса возможна постольку, поскольку она воспроизводится везде: в сфере политической деятельности, административного управления, в медиа, в быту, в каждодневном существовании личности транслируются одни и те же идеи, оценки, взгляды, создающие в своей совокупности единое, то и не иное представление. Это особенно заметно по солидаризации в текстовых проявлениях на медиаплощадках триады данного дискурса: политик-журналист-адресат/комментатор. Властные механизмы дискурса следует понимать как комплексную, систематическую и регулярную реализацию персуазивных стратегий и приемов воздействия, позволяющих в

своей совокупности управлять сознанием и поведением индивида и/или социальных групп.

Концепция воображаемого установления общества. По мнению Корнелиуса Касториадиса, само общество существует благодаря созданию социальных воображаемых означиваний («предметов», «реальности», языка, систем координат, способов проживать жизнь умирать, целей, смыслов, и человеческого индивидуума). Человек, по сути, подчиняется воображаемым значениям, принимая их за нечто «естественное» («объективное»), данное, застывшее и неизменное. Язык открывает смысловой горизонт, в пределах которого познающие и действующие субъекты разбираются в различных ситуациях, встречаются с людьми, изучают предметы и накапливают таким образом определенный опыт.

Касториадис делит «говорящих субъектов» на хозяев и слуг своих языковых систем. Одни используют язык как выражение образа мысли для инновационного постижения своего собственного мира, другие блуждают внутри коварно меняющегося горизонта мира; «воспроизведение индивидом сети, созданной другими индивидами и вещами, подразумевает, что сам он обретает в этой сети некое место, что он в нее вплетается» (Касториадис, 2003).

И действительно, номинации действующих лиц истории, оценочная лексика, которая щедро использовалась политиками и журналистами в дискурсе о Скрипале, о тех концептах (безопасность и российская угроза, противостояние «Россия-Запад», чемпионат мира как политическое событие), преподносилось в медиадискурсе и впоследствии воспринималось как нечто вполне ожидаемое, естественное и объективное. При этом число фейковой информации в медиадискурсе было невероятно велико.

На примере дела Скрипаля можно заметить, что содержание и структура дискурса не просто отражают представления людей о мире, но и создают символическую реальность со своими идеологически ориентированными социальными законами и правилами поведения. Каждый дискурс – это один из «возможных миров». Дискурсы определяют

политические, социальные, культурные и глобальные изменения – войны, экологические катастрофы, формируют новые социальные группы, изменяют миссию организаций, рекламу, моду.

Концепция дискурс-строя. Норман Фэркло основывается на исследованиях социальных полей Поля Бурдьё и полагает, что власть дискурса не является абсолютной, это одна из социальных практик, которая находится в диалектических отношениях с другими социальными измерениями. Так, дискурсивные практики СМИ участвуют в образовании новых форм политики, однако сами дискурсивные практики подвержены влиянию социальных сил не дискурсивного характера (таких, как структура политической системы и институциональная структура СМИ).

Примером трансформации дискурса от рядовой истории до политической проблемы мирового масштаба может служить изменения тона публикаций Ъ всего за неделю. От заголовка: *Известный шпион отравился на шопинге* (5 марта) до: *Великобритания намерена обсудить отравление на уровне НАТО* (11 марта). Этот пример трансформации в ведущих российских СМИ подтверждает тезис, что «дискурсивное формирование общества вызвано отнюдь не свободной игрой идей в головах людей, а следствие их социальной практики, которая глубоко укоренена и сориентирована на реальные, материальные социальные структуры» (Фэркло, 1992). Фэркло выделяет два объекта дискурса: *коммуникативное событие* — отдельный случай использования языка (газетная статья, фильм, видео, интервью или политическое выступление) и *дискурс-строй* — конфигурация всех типов дискурсов, которые используются в каком-либо социальном институте или социальной области. Например, в СМИ имеются особые дискурсивные практики, посредством которых производятся, потребляются или интерпретируются тексты и разговоры.

Основной акцент в данной теории сделан на роли дискурсивной практики в поддержании социального порядка и социальных изменений. Дискурс-анализ направлен на исследование отдельных случаев использования языка (анализ коммуникативного события относительно

порядка дискурса) во взаимосвязи с «сетью» других *текстов* (речь, письмо, визуальный образ или их сочетание), *дискурсивной практикой* (производство и потребление текстов) и *социальным контекстом*.

Создание событий является способом порождения, означивания и «запуска» смысла в публичное медийное пространство. Управление трансляцией смысла и результаты его интерпретаций субъектами в информационном обществе приобретают особое значение, поскольку именно эти процессы регулируют культурное и социальное равновесия современного глобального человеческого социума и локальных сообществ. Использование специальных событий как коммуникационной технологии может быть направлено на совершенно разные цели. Специальные события могут иметь как положительные, так и отрицательные «заряды»; могут «запускать» в общественное и индивидуальное сознание как конструктивные, так и деструктивные идеи; способны консолидировать как созидательные, так и разрушительные силы.

На основе изложенного следует отметить, что в периоды обострения политической борьбы предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам – гражданам сообщества – необходимость «политически правильных» действий и/или оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса – не описать (то есть, не референция), а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию. Следует отметить, что использовавшиеся в статье теории дискурсов являются продуктивной методологической базой для анализа политических медиадискурсов. Этот анализ со всей очевидностью демонстрирует, как дискурс определяет масштабные политические изменения современности, и медиадискурс является сегодня его ключевой частью.

Источники – Primary Sources

Деловой журнал РБК, 2019 – *Деловой журнал РБК*. Режим доступа:
https://www.rbc.ru/magazine/?utm_source=topline

Новая газета, 2019 – *Новая газета*. Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru>

Коммерсант, 2019 – *Коммерсант*. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru>

Московский комсомолец, 2019 – *Московский комсомолец*. Режим доступа: <https://www.mk.ru/>

Комсомольская правда, 2019 – *Комсомольская правда*. Режим доступа: <https://www.nnov.kp.ru/>

Ссылки – References in Russian

Ильин, 1996 – *Ильин И.П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. – 256 с.

Касториадис, 2003 – *Касториадис К.* Воображаемое установление общества. – М.: Гнозис, Логос, 2003. – Режим доступа: <http://kniga.seluk.ru/k-istoriya/641955-1-kornelius-kastoriadis-voobrazhaemoe-ustanovlenie-obschestva-gnozis-logos-moskva-2003-udk-141-03-1331-bbk-873v.php>

Романов, 2017 – Романов А.А. Роль цифровой коммуникации в медийном пространстве информационного общества // *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал*. – 2017, № 1. – С. 1–20. Режим доступа: www.tverlingua.ru

Романов, Романова, 2018 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Дискурсивные регулятивы информационных атак // *Дискурс-Пи*. – 2018, № 1 (30), 2018. – С. 17–23.

Фуко, 1996 – *Фуко М.* Археология знания. К., 1996. – 208 с.

Чернявская, 2006 – *Чернявская В.Е.* Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Наука, 2006. – 136 с.

Шмелева, 1993 – *Шмелева Т.В.* Ключевые слова текущего момента // *Colleqium*. – 1993, № 1. – С. 33–41.

References

- Chernjavskaia V.E. (2006) *Discourse of power and power of discourse: problems of speech influence*, M., Nauka, 136 p. (in Russian).
- Delovoi zhurnal RBK (2019) // URL: https://www.rbc.ru/magazine/?utm_source=topline
- Fairclough N. (1992) *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity Press // URL: http://www.academia.edu/10844622/FAIRCLOUGH_Discourse_and_Social_Change
- Fuko M. (1996) *Archeology of knowledge*, K., 208 p. (in Russian).
- Ilin I. (1996) *Poststructuralism. Deconstruction. Postmodernism*, M., Intrada, 256 p. (in Russian).
- Kastoriadis, K. (2003) *Voobrazhaemoe ustanovlenie obshestva*, M., Gnozis, Logos // URL: <http://kniga.seluk.ru/k-istoriya/641955-1-kornelius-kastoriadis-voobrazhaemoe-ustanovlenie-obschestva-gnozis-logos-moskva-2003-udk-141-03-1331-bbk-873v.php> (in Russian).
- Kommersant* (2019) // URL: <https://www.kommersant.ru> (in Russian).
- Komsomolskaja pravda* (2019) // URL: <https://www.nnov.kp.ru/> (in Russian).
- Laclau E., Mouffe C. (1985) *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso // URL: http://bib.convdocs.org/v36580/laclau_ernesto,_mouffe_chantal._hegemony_and_socialist_strategy_towards_a_radical_democratic_politics (in Russian).
- Moskovskii komsomolec* (2019) // URL: <https://www.mk.ru/> (in Russian).
- Novaja gazeta* (2019) // URL: <https://www.novayagazeta.ru> (in Russian).
- Romanov A.A. (2017) The role of digital communication in media space of information society // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 1. P. 1–20. Access mode: www.tverlingua.ru
- Romanov A., Romanova L. (2018) Discursive regulative information attacks // *Diskurs-Pi*, 2018, № 1 (30), pp. 17–23 (in Russian).
- Shmeleva T.V. (1993) Keywords of the current moment // *Solleqium*. 1993, № 1. pp. 33–41 (in Russian).